В.М. Алпатов

О ГРАММАТИКЕ СОСТАВЛЯЮЩИХ И ГРАММАТИКЕ ЗАВИСИМОСТЕЙ

В англоязычной лингвистике структура предложений обычно представляется в рамках так называемой грамматики составляющих, восходящей к Л. Блумфилду [Блумфилд 1968 [1933]: 169]. Предложение при таком подходе делится на части, у большинства лингвистов деление на каждом шагу бывает бинарным. В наиболее частом случае двусоставного предложения оно делится на составляющие: обычно это nominal group и verbal group; если эти составляющие состоят из нескольких слов, они, в свою очередь, делятся на две части, и т.д.; в результате получаются составляющие разных рангов. Часто разложение на составляющие идет дальше границ слова и независимо от них, доходя до морфем (корней и аффиксов). Такая схема наглядно представляется в виде скобок, каждая пара скобок включает составляющую, пары скобок вкладываются друг в друга, но не пересекаются. У нас такое представление до недавнего времени не было принято, его место обычно занимает так называемая грамматика зависимостей [Тестелец 2001: 106]. Лишь сейчас под влиянием англоязычной науки оно встречается чаще.

С грамматикой зависимостей мы знакомимся еще в школе. В этом случае предложение понимается как состоящее из слов и синтаксических отношений между ними. Выделяется главное слово (сказуемое и/или подлежащее), от него проводится стрелка к зависимым членам предложения, далее к зависимым членам второго ранга, и т.д. Предложение предстает как совокупность слов и синтаксических связей между ними, а их порядок существенной роли не играет. На Западе такое представление синтаксических структур иногда называют «графами Теньера», поскольку их употреблял французский лингвист Л. Теньер в книге [Теньер 1988 [1959]]. Отмечу, что он был славистом, изучал работы русских лингвистов и мог использовать их идеи.

Почему разные национальные варианты используют разные способы представления синтаксической структуры? Представляется, что важные идеи на этот счет еще более полувека назад высказали А.А. Зализняк и Е.В. Падучева [Зализняк, Падучева 1964]; к сожалению, они были опубликованы лишь в виде тезисов в малодоступном издании (благодарю С.А. Крылова, обратившего мое внимание на эту публикацию). А.А. Зализняк и Е.В. Падучева писали: «Ясно, что русский язык, с относительно свободным расположением слов, менее удобно анализировать по непосредственным составляющим, чем английский; аналогично, для английского языка понятие дерева зависимостей является менее естественным, чем для русского» [Зализняк, Падучева 1964: 7]. Устно такую идею в те же годы высказывал А.Н. Журинский.

Действительно, по-видимому, в выборе подходов отражаются представления носителей соответственно аналитических и синтетических языков, что можно видеть не только в области синтаксиса, но и в области морфологии. Сопоставим два высказывания авторов разного времени и разных стран.

А. Мейе еще в начале XX в. писал о грамматическом строе древних индоевропейских языков: «Индоевропейский морфологический тип был чрезвычайно своеобразен и вместе с тем крайне сложен…. Слово являлось в нём лишь в сочетании со словоизменительными элементами…. В латинском языке для значения «волк» нет ни слова, ни выделяемой основы; есть только совокупность форм: lupus, lupe, lupum, lupī, lupō, lupōs, lupōrum, lupīs. Нет ничего менее ясного, чем подобный прием…. Все индоевропейские языки в большей или меньшей степени, одни раньше – другие позже, обнаружили склонность упразднить словоизменение и довольствоваться словами как можно менее изменяемыми, а в конце концов и вовсе неизменяемыми» [Мейе 1938 [1903]: 426-427]. В результате во французском языке есть лишь слова, а не «совокупности форм». То есть морфологический тип, при котором слова изменяются, для французского ученого – «крайне сложный» и «неясный» прием. Автор комментариев к русскому изданию книги А. Мейе Р.О. Шор справедливо писала: «Как понимание структуры отдельного слова…,

так и понимание структуры предложения древнейших индоевропейских языков не представляет с точки зрения русского языка – языка синтетического строя – тех затруднений, которые оно представляет с точки зрения французского языка – языка аналитического строя» [Мейе 1938 [1903]: 500].

Иначе рассуждал А.И. Смирницкий: «Слово с лексической точки зрения не есть какой-то обрубок. Слово *окно*, как лексема, как единица словаря, есть все же *окно* или, в известных случаях, *окна, окну, окна,* но не- *окн*-» [Смирницкий 1955: 14]. «Обрубок» - всё же не термин, а образ, основанный на ощущениях говорящего.

То есть для лингвиста - носителя французского и, по-видимому, типологически сходного английского языка словоизменение – сложный и неясный прием, тогда как для лингвиста – носителя русского языка, наоборот, его отсутствие превращает слова в «обрубки». И естественно, что при отсутствии развитого словоизменения важнейшим синтаксическим средством оказывается порядок слов, менее значимый при развитом словоизменении. Отсюда разные представления о приоритетности тех или иных грамматических средств. Недаром Н. Хомский, приводя пример грамматически неправильного предложения, меняет местами слова в знаменитом предложении о яростно спящих идеях, не обращая внимания на имеющиеся в нём аффиксы.

Каждый из двух подходов к синтаксису имеет свои преимущества и недостатки, об их сравнении см. [Тестелец 2001: 145-149]. Грамматика зависимостей принципиально не меняется при перемене порядка слов, что, вероятно, соответствует привычкам людей, для которых родной язык – русский. Но грамматика составляющих исходит из того, что составляющие должны быть непрерывны, что, видимо, естественно для носителей английского языка, для которых более существенно представление о корреляции между степенью синтаксической и линейной близости слов. Свободный порядок слов требует усложнения грамматики составляющих. С другой стороны, грамматика зависимостей требует обязательного и безостаточного членения текста на слова, что не всегда легко сделать. В грамматике же составляющих можно приравнять слово к аффиксу или корню или вообще обойтись без выделения слова, что всё чаще встречается в современной западной лингвистике (под ее усилившимся влиянием иногда и у нас) , где начинают говорить не о морфологии и синтаксисе, а о едином морфосинтаксисе.

Отмечу, что почти одновременно с Л. Блумфилдом нечто похожее на грамматику составляющих предлагал и Е.Д. Поливанов, но не для русского или даже английского, а для китайского языка [Алпатов 2014]. Он рассматривал структуру китайского предложения как множество «инкорпораций»; по единой модели строятся и слова, и «сочетания двух или более двухсложных или многосложных слов», а между «схемами инкорпораций-слов» и схемами «инкорпораций-словосочетаний» нет принципиального различия [Иванов, Поливанов 1930: 238-239]. Главное отличие идей Е.Д. Поливанова от грамматики составляющих заключается в том, что американские ученые идут «сверху», от предложения, которое делится на всё более мелкие части, а Е.Д. Поливанов, наоборот, идет «снизу»: исходны морфемы, которые соединяются сначала в «инкорпорации 1-й степени» (сложные слова), затем в «синтаксические сочетания». Таким образом, Е.Д. Поливанов осознавал, что традиционная схема предложения с подлежащим, сказуемым и т.д., применимая к русскому и даже японскому языку, не подходит для китайского языка, для которого нужна иная схема, основанная на жестких правилах порядка. Однако сторонники как грамматики составляющих, так и грамматики зависимостей обычно исходят универсальности своего подхода.

По-видимому, грамматика зависимостей кажется естественной носителям русского языка, где слова обычно четко выделяются, их грамматические функции очевидны благодаря их «оформленности», а их порядок почти всегда свободен. Но грамматика составляющих естественнее для носителей английского языка с жесткими правилами словесного порядка и менее ясными границами слов. А это еще более полувека назад обратили внимание А.А. Зализняк и Е.В. Падучева.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов 2014а – *Алпатов В.М.* Два века в одной книге // Научная конференция «Общество и государство в Китае». Том XLIV. Часть 1. М., 2014.

Блумфилд 1968 [1933] – *Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.

Зализняк, Падучева 1964 – *Зализняк А.А., Падучева Е.В.* О связи языка лингвистических описаний с родным языком лингвиста // Программа и тезисы докладов в летней школе по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1964.

Иванов, Поливанов 1930 – *Иванов А.И., Поливанов Е.Д.* Грамматика современного китайского языка. М., 1930.

Мейе 1938 [1903] - *Мейе А*. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Под редакцией и с примечаниями Р.О. Шор. М., 1938.

Смирницкий 1955 - *Смирницкий А.И*. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. К 60-летию академика В.В. Виноградова. М., 1955.

Теньер 1988 [1959] – *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М., 1988.

Тестелец 2001 – *Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Автор этого текста имеет счастье уже почти полвека знать выдающегося ученого Андрея Анатольевича Зализняка. Каждое общение с ним дает очень много. Его труды вошли в золотой фонд мировой науки. Желаю дорогому Андрею Анатольевичу здоровья и дальнейшей плодотворной деятельности на благо науки.